

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ «СУДЬБА» В КОНТЕКСТЕ САМООРГАНИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ

В современной философской антропологии парадигма информационной сущности человека является достаточно актуальной. В статье на основе синергетического подхода рассмотрены тенденции отчуждения субъективно-информационных детерминант от личностного восприятия и становление бессознательных психических процессов. Показано, что осознание, определение и обобщение этих процессов выводит их в надсознательную, трансцендентальную сферу и абстрагирует их универсальным понятием-кодом «Судьба».

Ключевые слова: судьба, самоорганизация систем, адаптация, память, средовой контекст, информационные структуры.

Пространство жизнедеятельности человека характеризуется соответствующим информационно-средовым контекстом, который предполагает соответствующий уровень энергетического обмена с окружающей средой. Чем выше энергоёмкость организма – тем большими способностями к выживаемости он обладает. В то же время инстинктивно-биологические процессы подменяются здесь информационными. Сознание формирует инстинкт реагирования не на само событие, явление или процесс, а на его когнитивные составляющие. Это вторичное, искаженное субъективной проекцией реагирование. В данном исследовании этот процесс будет проанализирован в качестве феномена судьбы, в ее конкретном, имеющем уникальную личностную структуру, узком смысле.

В процессе исследования информационной реальности представляется актуальным предложенный Ю.М. Сердюковым [1, с. 32-33] принцип интерпретации термина «информация»:

- информация не существует вне своего материального носителя и всегда выступает лишь в качестве его свойства – структурного, динамического и других;

- носитель информации есть ее код: информация не существует вне определенной кодовой формы;

- информация инвариантна по отношению к субстратно-энергетическим и пространственно-временным свойствам своего носителя. То есть одна и та же для данного класса систем информация может быть воплощена и передана разными по своему характеру носителями: одна и та же информация может существовать в разных кодах;

- информация обладает формальными, содержательными, аксиологическими и прагматическими характеристиками;

- информация может служить фактором управления, то есть инициировать определенные изменения в данной системе на основе сложившейся кодовой организации.

Дифференциацию понятий «информация» и «знание» в данном случае целесообразно проводить по онтологическим и гносеологическим принципам соответствия. На этом принципе основана концепция Д.И. Дубровского [2, с. 129], используемая Ю.М. Сердюковым. Избавляясь от нагромождения понятий в смыслообразующих гносеологических системах, представляется целесообразным использовать культурную универсалию «Судьба». Таким образом, феномен судьбы может служить понятийным инструментарием, не привнося в философско-антропологическое исследование метафизического привкуса и экономя интеллектуальные усилия, в пирсовском смысле.

Понятие «Судьба» в данной гносеологической ситуации выполняет двоякую роль. С одной стороны, оно специфическим образом организует определенное информационное пространство, синтезируемое общим информационным контекстом. Здесь универсалия «Судьба» рассматривается в узком смысле и только в пределах понятийных координат. Понятийная природа судьбы определяется наличием соответствующих предмету характеристик. Судьба не может мыслиться в субстанциальном значении, смысл ее уже, чем смысл предмета судьбы.

Термин «Судьба» достаточно размыт, внимание акцентировано на предмете судьбы. Судьба представляется придатком предмета восприятия, характеристики которого она ограничивает, усиливает и выделяет неким непостижимым образом. Этот феноменологический и лингвистический факт подчеркивает имманентную природу метафоры «Судьба», при условии ее

логической связи с предметом. Предмет восприятия, обусловленный понятием «Судьба» в контексте речи, выступает репрезентантом смысла, его доминирующей основой. В данном случае понятие «Судьба» как бы присваивает имманентную природу предмета, отчуждая ему свой трансцендентальный статус.

Понятие «Судьба» относительно предметной основы не только усиливает характеристики предмета, оно создает энергоемкость, способствующую пониманию сущности и выделяющую предмет из общего информационного контекста. Предмет мигрирует из информационной области в область знания. Анализируя феномен судьбы в качестве понятия, можно определить, что он не только выполняет функцию информационного ограничения, но и является кодом соответствующего смысла определенной предметной области. Можно выделить также его всеобщее, универсальное и абстрактное значение. В этом, широком смысле феномен судьбы в определенной степени субстанциален, но мера его субстанциальности ограничивается вещным миром, по отношению к которому он имеет сугубо трансцендентальную основу и может мыслиться только в качестве «вещи в себе». Можно сказать, что феномен судьбы инволюционирует из всеобщего в общепонятийное, подобно платоновским идеям, участвуя в процессах самоорганизации в качестве управляющего принципа.

Кодификация личностных информационных процессов далеко не однозначна. В социокультурной среде выбор информационных координат производится по преимуществу с опорой на доминирующие тенденции соответствующей культуры. «Поведение людей формируется и ограничивается их культурным своеобразием, и это в свою очередь укрепляет их дух принадлежности. Культура вплетена в образ жизни людей; ее проникающая способность такова, что наше сознание даже не замечает этого» [3, с. 111]. Этот факт деятельности бессознательного во многом способствует необходимости определения проникающей способности культурного влияния как феномена судьбы.

Системный подход в понимании информационных процессов рассматривает их субъект-объектную основу. Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов определяют, что объективная информационная реальность субъективируется в сознании индивида посредством поставленной им цели. Соответствующая процессу познания цель ка-

узально опирается не на субъект познания, а на субъект целеполагания. Данный субъект как бы определяет вектор направленности действия, в который встраивается системный информационный блок. Этот принцип адекватен в пределах цель – ценность: «вопрос о ценности информации возникает лишь тогда, когда возникает вопрос о цели» [4, с. 11].

Соответственно, вне процесса целеполагания индивид может находиться в пределах информационной системы, не определяя ее как таковую. Моделирование кодовой формы происходит по неизвестным причинам. Но очевидно, что ориентационно-ценностное целеполагание информационных личностных процессов не может базироваться на краткосрочных целях разнонаправленного характера. Очевидно, что их совокупность имеет под собой синтезирующую смысловую основу. Данной синтезирующей основой может выступать феномен личной судьбы субъекта. Вероятно, что именно в процессе осознания судьбоносного значения тех или иных действий субъект осуществляет их перенос из деятельностно-гносеологической сферы сознания в деятельностно-онтологическую.

Интересным является принцип, согласно которому складывается феномен личной судьбы субъекта. Очевидно, понятие судьбы, без которого невозможно определить структуру личности как носителя информации, является тем абстрактным принципом, по отношению к которому формируется целесредственная информационная согласованность индивида. Можно предположить, что феномен судьбы определен социокультурной парадигмой общества, это предположение снимает неправомерное ограничение восприятия информации как сенсорного и ментального актов. В таком случае феномен личной судьбы субъекта, как форма самосознания, определяет ту информационную сферу, в пределах которой осуществляется поисковая деятельность.

Систематизация информационных процессов в определенных мировоззренческих рамках активизирует процесс запоминания поисковых путей и методов оперирования той информацией, которая ранее определялась как знание субъекта об объекте. Поэтому память субъекта является внутренним основанием, детерминирующим информационный процесс. Ее можно обозначить как субъективную доминанту естественной информационной системы. В данной

связи представляется возможным выделить бессознательную сферу информационной самоорганизации субъекта в качестве глубинных онтопсихологических уровней его самоорганизации или того, что было определено судьбой в широком, онтологическом смысле.

При условии, что ассоциативная память субъекта в своих предельных основаниях бессознательно осуществляет функции самоуправления, она, тем не менее, отчуждается от логических функций, производимых осознанно и подлежащих самоанализу. Поэтому глубинная психическая структура личности в достаточной степени является «вещью в себе» относительно своего материального носителя. Этот феномен также можно обозначить только идентичным понятием – судьба.

В психофизиологии различают три вида биологической памяти, появление которых связано с различными этапами эволюционного процесса: генетическую, иммунологическую и неврологическую или нервную память [1, с. 37]. Н.Н. Данилова определяет генетическую память как структурно-функциональную организацию живой системы в пределах определенного биологического вида. Ее носитель – нуклеиновые кислоты. Э.М. Галимов определяет генетическую память как основу жизни соответствующего биологического вида, структурирующегося по принципу интеративности. «Интерация – повторение одной и той же операции, воспроизведение одной и той же структуры и т. п. Интерация может происходить с определенной модификацией предшественника» [5, с. 60]. Соответственно можно сделать вывод, что генетическая память обладает способностью к автоматизированному воспроизводству, в пределах которой возможна некоторая интерпретация.

В условиях интерации генетическая память выполняет двойную функцию: как память о том, к чему необходимо стремиться в воспроизводстве устойчивой системы, и как память о том, что уже было нецелесообразным в предшественнике и что можно интерпретировать. Обе функции генетической информации выполняют важнейшую роль для условий выживания вида. Не всегда устойчивость биологического вида имеет выигрышную позицию – в условиях предельной устойчивости и повторяемости имеется деструктивный элемент, снижающий адаптивные способности вида. В то же время устойчивость признаков является основной характе-

ристикой соответствующего вида. По мнению Э.М. Галимова, устойчивость биологической системы ведет к организации высокоэнтропийного сообщества. Поэтому условием выживаемости каждого вида является необходимость творчества, посредством которого воспроизводится низкоэнтропийный видовой вариант.

Рассматривая генетическую память человека в пределах его биологической организации, можно определить основные свойства генетической памяти, присущие всему живому. В соответствии с поставленными в работе задачами необходимо отметить, что генетическая память имеет способность к снижению энтропии. И что это ее свойство является ключевым в условиях адаптации человека к предельно сложным условиям. Очевидно, что именно у человека как представителя соответствующего вида свойства генетической памяти переносятся и на его социальную организацию, и на его способность выживания в обществе.

Рассматривая роль и значение генетической памяти в рамках деятельности субъекта целеполагания, можно определить ее как наличие механизма индетерминации, или свободы выбора. «Живые организмы не изолированы от своего окружения. Они постоянно взаимодействуют с ним, но окружение не определяет их организации... в том смысле, что они определены нашим прошлым опытом и генетическим наследием» [3, с. 109].

Имунологическая память человека сформировалась в результате эволюционного совершенствования вида. Она проявляется в формировании соответствующей защитной реакции в ответ на ряд перенесенных отдельным организмом заболеваний, усиливая иммунную систему индивида.

Неврологическая или нервная память присутствует только у высокоорганизованных биологических видов, имеющих нервную систему. Это совокупность сложных процессов, обеспечивающих формирование адаптивного поведения организма. Психофизиолог Н.Н. Данилова выделяет два типа неврологической памяти:

1. Генотипическая, или врожденная.

Именно она у высших животных обеспечивает становление безусловных рефлексов, импринтинга, различных форм врожденного поведения (инстинктов), играющих существенную роль в приспособлении вида к среде и обеспечивающих его выживаемость.

2. Фенотипическая, которая составляет основу адаптивного, индивидуального поведения, формируемого в результате научения. Ее механизмы обеспечивают хранение и извлечение информации, приобретаемой в течение жизни, в процессе индивидуального развития [1, с. 37-38].

Необходимо заметить, что деятельность фенотипической неврологической памяти обусловлена принципами сравнительного анализа и синтеза вещей, процессов и явлений. Таким образом, запоминание объекта самого по себе оказывается невозможным – он запоминается лишь в контексте сравнения с другими объектами, которыми не является. Только по уникальным признакам и характеристикам соответствующие объекты реальности запоминаются в фенотипе. Поэтому можно сказать, что неврологическая память по преимуществу является детерминационной структурой выбора.

Рассматривая роль и значение памяти субъекта целеполагания, можно сказать, что феномен судьбы структурирован в рамках мерного взаимодействия детерминационных и индетерминационных процессов. Благодаря этому жизненное пространство субъекта является в меру устойчивым и одновременно в меру динамичным.

Принято обращать внимание на адаптационные процессы субъекта к окружающей реальности, но редко отмечают приоритет информационно-приспособительного акта по отношению к деятельностной адаптации. Здесь же определено, что естественные информационные механизмы человеческой природы играют более важную роль, чем та, которая им приписывается. Поэтому в контексте понимания судьбы рассмотрена новая модель информационных процессов, происходящих в сознании субъекта.

На наш взгляд, нервная память человека руководствуется теми же принципами отбора информации, которыми руководствуется биологический вид в процессе информационного генетического самовоспроизводства. То есть существуют соответствующие законы управления информацией, согласно которым только и происходит ассимиляция информации. Информация как хаос может существовать только с точки зрения не сопричастного к ней субъекта. Любой информационный процесс упорядочен не только в сознании субъекта, но и сам по себе, относительно собственных целевых детерминант.

Поэтому человечество осуществляет все процессы жизнедеятельности в мире бесконечных информационных процессов, органически взаимодействуя с одними из них и игнорируя другие. Субъективный мир обретает структурность в процессе информационной систематизации, через обретение информационной структурой соответствующей судьбы. Конституирование судьбы является субъективно детерминированной константой информационной ценности. Можно определить дифференциацию осмысленно-ценностной информации как деятельностно-оперативную, в отличие от бессубъектной, ассимилированной во внешней среде информации. Таким образом, мы вновь определяем различие между такой формой информации, как знание, или субъективно присвоенная информация, и некой трансцендентной информационной структурой, понимаемой ее носителем в качестве смысла судьбы.

Смысл судьбы может рассматриваться в аспекте как имманентных, так и трансцендентальных характеристик. Трансцендентная относительно одного субъекта, информация будет имманентной относительно другого субъекта. Принципиально бессубъектная информационная структура является потенциально субъективной, реализующейся в возможности знания.

Таким образом, информационная реальность существует в двух модусах: объективной реальности – субстанциально и безотносительно субъекта и субъективной реальности – обусловленной бытием целеполагающего субъекта. Целеполагающий субъект информационной реальности сужает ассимилятивное информационное поле до пределов его личной судьбы, обусловленной целеполаганием.

Как показывает анализ, «...поведение живых организмов ограничено, но не детерминировано внешними силами. Живые организмы являются самоорганизующимися, т. е. их поведение не навязано окружающей средой, а определяется самой системой. Говоря точнее, поведение организма детерминировано его собственной структурой, сформированной в результате последовательности автономных структурных изменений» [3, с. 109].

Говоря о естественных информационных системах, необходимо отметить их объективный по своей природе и субъективный по способу информационного отбора характер. Как определил А.В. Брушлинский, психическое восприятие отдельного индивида не может быть прин-

ципально объективированным. «У человека психическое объективно существует только как субъективное» [6, с. 22]. А.В. Брушлинский видит основную проблему в исследовании феномена информационного взаимодействия индивида с окружающей средой как недостаток дефиниции между пониманием объективного и субъективного, так как «...многие специалисты нередко не различают эти два смысла и потому считают, что все субъективное должно быть изгнано из науки...» [6, с. 23]. Прилагая подход Брушлинского к проблеме субъективной реальности, можно определить отсутствие четких границ между субъектом и объектом. Этот факт специфики информационной природы человека говорит о том, что определенные уровни человеческого бытия онтологизированы, так же как объективная реальность эпистемологически обусловлена. Это предполагает, что трансцендентальная и имманентная природа человека ассимилированы и взаимообусловлены и имеют единую, одновременно присущую и отчужденную основу или судьбу.

Кантовский априоризм в интерпретации Брушлинского становится наиболее адекватным методологическим основанием в объяснении принципов информационной операциональности. В.А. Лекторский, несмотря на доминирующий объективистский подход, совершенно точно определяет, что крайний субъективизм недостаточно адекватен. Как пример он рассматривает экзистенциальную философию Ж.-П. Сартра. «Итак, согласно Сартру, «Я» как выражение психической жизни субъекта не характеризует существа сознания и в известном отношении искажает его. Можно сказать, что «Я» как бы «выдумывается», «изобретается» субъектом с той существенной оговоркой, что это «изобретение» осуществляется в постоянных контактах и коммуникациях с другими субъектами» [7, с. 116]. Эмансипация «Я», приведенная в пример Лекторским, предполагает ложное понимание доминирующей роли человека в самоорганизации его бытия, «выдуманную и изобретенную самодетерминанту».

Сравнивая эти два противоположных подхода, можно заметить, что принцип объективирования в обоих из них нивелирован. В первом случае суженное понимание проблемы отсылает понятийность субъекту естественных наук – как правило физиологии, доминирующей над психологией, а также обуславливает структурность понимания проблемы «логикой, киберне-

тикой, математикой и т. д., поскольку якобы только они раскрывают объективные закономерности» [6, с. 23]. Во втором случае доминирует субъект «Я». Здесь объективизация информации детерминирована межсубъектной связью. В узком смысле, как определяет Лекторский, информация, детерминированная экзистенциальным видением и восприятием, ограничена индивидуально-эгоистической формой реализации. Но, имея общую межсубъектную специфику, она показывает способность к объективизации.

Принцип субъект-объектной дифференциации, в современной синергетике рассматривается в качестве проблемы. И. Пригожин определил, что «...мир, который мы видим снаружи, и мир, который мы ощущаем внутри, сближаются. Это сближение двух миров – вероятно, одно из наиболее важных культурных событий нашего века» [8, с. 211].

Целесообразно рассмотреть, в силу чего возникает гносеологическая необходимость введения понятия-кода «Судьба». Хаос как всеобщее, универсальное состояние объективной реальности возможен онтологически. Однако в теоретических умопостроениях он иррационален и неадекватен принципам мышления субъекта. Таким образом, субъект мышления организует беспредельный хаос объективированного бытия ограничивающим понятием. Но данное понятие предельно абстрактно и теоретически аморфно. Оно не несет в себе никаких иных характеристик, кроме характеристики ограничения. Поэтому оно не может являться понятием в общепринятом значении, но является понятием-кодом.

Определяя статус объективности во взаимоотношении естественных информационных систем, можно отметить, что они, по сути, являются психически-субъективными, а по смыслу – иерархически объективированными.

П. Тейяр де Шарден еще в начале прошлого века определил субъективизм любой формы объяснения объективной реальности. «В силу наивности, по-видимому, неизбежной в первый период, наука вначале воображала, что она может наблюдать явления в себе такими, какими они протекают, независимо от нас. Инстинктивно физики и натуралисты вначале действовали так, как будто их взгляд сверху падает на мир, а их сознание проникает в него, не подвергаясь воздействию и не изменяя его» [9, с. 371]. Подобная наивность сохранилась в отечественной

философии практически до конца прошлого века, вытесняя из психологии и педагогики адекватные подходы к пониманию информационной сущности человека.

Тейяр де Шарден понимает «Я» индивида более широко, чем Сартр. Если у Сартра «Я» становится центром восприятия-переживания, то у Тейяра де Шардена – центром перспективы, объективированным через заданное условие. Поэтому он рассматривает человека «ключом универсума». Можно сказать, что тейяровский подход наиболее близок современному пониманию информационной сущности человека и его психологической обусловленности субъективным, рассмотренной Брушлинским.

Более удобной представляется дифференциация информационной системы бытия не на субъективную и объективную, так как этот способ является методологически тупиковым, а на искусственную и естественную информационные системы. Этот способ рассмотрения является более целесообразным в силу того, что здесь обозначен субъект целеполагания, по отношению к которому детерминирующий фактор естественных информационных систем является единственным объективным основанием субъекта-индивида.

Внешняя информационная среда, как среда информационного обитания, ассимилированная с субъектом целеполагания, также может рассматриваться естественной как адаптированной к естественным информационным структурам. Соответственно под искусственной информационной средой удобно понимать потенциальную возможность новой самоорганизации в чуждых на данный момент информационных условиях.

Между естественными информационными системами индивида и естественной информационной средой обитания происходит постоянное взаимодействие, структурирующее систему объективной связи. Поэтому личностные структуры психического получают свою реализацию в социальной информационной среде, с которой формируется целесообразно обусловленный энергоинформационный обмен. Здесь необходимо отметить, что естественная окружающая среда является соответствующим образом «присвоенной». Механизм присвоения-адаптации и является тем рычагом, который способен в той или иной мере управлять энергоинформационными процессами соответствующей системы.

Как правило, энергоинформационная система индивида не является автономной и самоуправляемой в системе естественной информационной среды. Она обязательным образом связана с окружающей средой внешнего, искусственного характера, которая оказывает на нее доминирующее влияние. В социальной среде энергоинформационные системы структурированы извне, каждая из них управляется иерархически надстроенной системой более сложного порядка. Эти умпостижимые связи, согласно которым субъект определенным, уникальным образом вписан в средовой контекст объективной реальности, традиционно понимались как судьба человека.

Конституирование и постулирование феномена судьбы осуществлялось в первую очередь с точки зрения информационной компенсаторности. Это предельно энергоемкое понятие с глубокой древности отграничивало мир человека от иной, внечеловеческой реальности, под которой могли пониматься как одухотворенные миры высшей и низшей относительно человека природы, так и мир вещей, процессов и явлений. Определение границ между сферами реальностей по преимуществу производилось спиритуалистическим и естественнонаучными методами. Духовное и внедуховное внешние пространства равно относились к понятийным координатам судьбы, так как они осуществляли внешнее, онтологически обусловленное влияние на событийный ряд общественной и частной жизни человека.

Возникает метаморфоза, согласно которой экзистенциально определенная окружающая среда, с одной стороны, обуславливает собственно личностный статус, с другой стороны, – нивелирует его. В личностно присвоенной информационной среде производится субъектно-личностная адаптация к механизмам социального управления, своего рода «встраивание» в его рамки и условия.

Способы и формы адаптации организмов к окружающей среде направлены на активизацию процесса выживания видов – как в естественной, так и в социокультурной среде. В силу того, что на протяжении веков существования человеческой культуры данный процесс был онтологически постигаем, но гносеологически замкнут, эти свойства определялись влиянием на человека факторов судьбы.

Как в живой природе, так и в человеческом обществе информационный фон обитания но-

сит взаимоопосредствованный характер. Специфика взаимоопосредствования информационной среды в первую очередь заключается в ее возможной ассимилятивности. Процесс ассимилятивности близок по смыслу процессу адаптации, но адаптация обусловлена целеполаганием, в то время как ассимилятивность может возникать спонтанно. Характерно, что в обоих случаях информационный средовой контекст обусловлен взаимоограничением информационного смыслового поля.

Э.М. Галимов рассматривает ассимилирующуюся информационную структуру в средовом контексте по принципу размножения. Этот подход весьма правомерен: взаимообусловленность двух информационных систем в процессе их взаимодействия суммативно порождает новое качественное состояние информационной среды. При этом возникает ее копия или реплика, становящаяся фундаментом воспроизводства стереотипизированных систем: «...в принципе реплика может отделиться от материнской поверхности, обеспечивая тем самым размножение однотипных структур» [5, с. 61]. Впоследствии, с усложнением системы, формируется инвариативность реплицируемой структуры. На примере этого феномена достаточно легко определить различие между ассимилятивностью информационных структур и их адаптивностью.

В результате ассимиляции информационных структур возникает их производное – автономная реплицируемая структура, формирующаяся в стереотипизированном, однотипном

варианте. Принцип спонтанности характеризует жестко детерминированную заданность качества информационной системы. Поэтому ассимиляция информационных структур адаптирована извне – и только в определенных пределах. Адаптационные процессы являются гибкими и пластичными формами ассимиляции, здесь возможен выбор оптимальных условий. Адаптация происходит поэтапно, по мере приспособления организма к окружающей информационной среде. Поэтому адаптацию можно рассматривать как актуализацию ассимилятивного процесса в условиях выбора.

Условия ассимиляции являются сущностно первичными и базисными для адаптационных процессов. Если репликативные структуры можно рассматривать в качестве суммативных систем, то адаптированные структуры определяются как более устойчивые. Их надстроечный характер создает более гибкую в сравнении с базисом форму. Данная гибкость и определяет принцип устойчивости. Она позволяет варьировать адаптационную форму в пределах вида, сохраняя субстанциальный статус модели-репликации.

Исходя из обозначенных выше положений, можно сделать вывод, что прагматический смысл феномена судьбы заключается в интерпретационной способности мышления субъекта, посредством которой имманентное и трансцендентное понятия осознанно или бессознательно мигрируют в процессе как ситуационной, так и надситуационной адаптации.

Список использованной литературы:

1. Сердюков Ю.М. Альтернатива паранауке. М.: Academia, 2005. 312 с.
2. Дубровский Д.И. Проблема идеального. М.: Мысль, 1983. 342 с.
3. Капра Ф. Скрытые связи. М.: ООО ИД «София», 2004. 336 с.
4. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М.: Наука, 1994. 284 с.
5. Галимов Э.М. Феномен жизни: между равновесием и нелинейностью. Происхождение и принципы эволюции. М.: Едиториал УРСС, 2001. 256 с.
6. Брушлинский А.В. Психология субъекта. М.: Ин-т психологии РАН; СПб: «Алетейя», 2003. 272 с.
7. Лекторский В.А. Субъект. Объект. Познание. М.: Наука, 1980. 357 с.
8. Капра Ф. Паутина жизни. М.: ООО ИД «София», 2003. 336 с.
9. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987. 240 с.

**Chercoziyanova T.V.
ONTOLOGICAL AND PHILOLOGICAL DEFINITIONS OF THE CONCEPT «FATE» IN THE CONTEXT OF INFORMATIONAL SYSTEMS SELF-ORGANIZATION**

The paradigm of informational essence of a person is important enough at the modern philosophical anthropology. On the base of synergetic approach the tendency of subjective-informational determinant estrangement from personal perception and formation of unconscious psychological processes are regarded in this article. It is shown that the consciousness, determination and summarizing of these processes leads them into over-conscious, transcendental sphere and abstracts them by universal concept – code «Fate».

Key words: fate, systems self-organization, adaptation, memory, sphere context, informational structures.

Сведения об авторе: Черкозьянова Татьяна Владимировна кандидат философских наук, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии Оренбургской государственной медицинской академии, доцент, 460000, г. Оренбург, ул. Советская, 6, тел.: (3532) 77-61-03, e-mail: orgma@esoo.ru